

З.Д. Авалов

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ГРУЗИИ К РОССИИ

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Зураб Давидович Авалов
Присоединение
Грузии к России
Серия «Военно-историческая
библиотека (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35195874
Присоединение Грузии к России – Зураб Давидович Авалов: Вече;
Москва; 2018
ISBN 978-5-4484-7135-3

Аннотация

Добровольное вхождение Грузии в состав Российской империи в 1801 году стало одним из важнейших событий XIX века. Оно полностью перевернуло геополитическую картину мира и открыло России путь на Кавказ. Эта книга, вышедшая впервые к столетию присоединения Грузии к России, рассказывает о процессах, которые привели к сближению двух народов и породили уникальный союз.

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. Несколько исторических замечаний	9
I	9
II	11
III	15
IV	21
V	24
Глава вторая. Отношения Восточной Грузии и Персии при Сефевидах	29
I	29
II	35
III	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Зураб Давидович Авалов

Присоединение Грузии к России

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия,
2018

Предисловие

Присоединение Грузии к России было политическим событием первостепенной важности. Именно со времени этого присоединения Россия становится на путь, который, может быть, приведет ее к берегам Персидского залива. Будущее всегда гадательно, но достаточно возможности *такого* будущего, достаточно обладания тем, что Россия теперь имеет за Кавказом, чтоб видеть всю многозначительность события, с которого, собственно, начинается распространение русских владений в этой части Азии.

Присоединение Грузии не было целью, к которой издавна и сознательно стремились; не приходилось бороться со встречным влиянием других европейских держав; Россия не имела в Грузии никаких экономических интересов; не могла она ее привлекать и в видах «исправления» границ, но сама Грузия нуждалась в помощи России и, не удовлетворяясь протекторатом, искала более тесного единения. В ответ на эти искания последовало присоединение Грузии. Тяготение последней к России и составляет отличительную черту всего события. Не последовательные усилия русской дипломатии, а настойчивое искание русского подданства со стороны грузинских царей повлекло за собой присоединение Грузии.

Оправдательные мотивы (польза, выгода etc.) были подобраны лишь в самый последний миг. Словом, идея присо-

единения принадлежит Грузии, ее царям, но, *как* она будет присоединена, на это дала ответ Россия. Задача настоящего очерка – обрисовать событие в его главных очертаниях, указать на некоторые условия, вызвавшие присоединение, и на обстановку, в какой оно совершилось.

Выясняя обстоятельства политического сближения Грузии с Россией и рассматривая форму, в какую отлилось это сближение, автор, естественно, должен был коснуться противоречий и шероховатостей, неизбежно сопровождавших присоединение полуфеодальной страны к могущественной и строго централизованной Империи.

Вполне понятные и законные желания Грузии пришлось просто-напросто устранить, потому что исполнение их не вышло ни с характером русской государственности, ни с осуществлением дальнейших политических задач России в Передней Азии. Именно грузины стояли на средневековой точке зрения *привилегии*, они желали присоединения на известном *условии*, в форме *договора*. Все это искони было чуждо России, которая еще за три века до того отказала Новгороду в вече и колоколе – во имя единства государства и равного подчинения его частей власти. Затем, желание грузин сохранить и в условиях русского подданства кое-что из старого устройства (именно царя) противоречило неизбежной потребности в диктатуре: управление Грузией начала XIX века в связи с внешними осложнениями и войной требовало героических средств администрации. Желания грузин были

неисполнимы в таких условиях.

Теперь, когда мы озираемся назад, нам это ясно. Но люди, видевшие присоединение Грузии, думали, конечно, иначе. Необходимость присоединения полного, безусловного мотивировалась не так; с другой стороны, желание присоединиться на известных условиях подсказывалось всем, издавна сложившимся мировоззрением грузин, их преданиями. Противоречие это устранили: сразу же решено было присоединить Грузию как простую провинцию. Такое радикальное решение вопроса было *тогда* далеко не безболезненно; всякое крупное политическое дело требует жертв, и тогда Грузии пришлось принести эту жертву. Но теперь можно сказать, что *такое* решение вопроса в самом начале было благотельно: привилегия рано или поздно была бы отнята, т. е. ее бы пришлось отнять, как нечто такое, чего Россия вообще не любит. А чем раньше, тем лучше, тем скорее предается забвению то, что обречено на умирание.

При этом понимании крутое решение вопроса о Грузии в самом начале следует признать счастливым шагом, хотя, конечно, пришлось многое ломать, многие права нарушить.

Вдобавок старые политические традиции, какие могла завещать феодальная Грузия, довольно скоро стусевались на фоне иного, гораздо менее отсталого строя. Вступив в состав России, Грузия сразу шагнула из глубины Средних веков в новое (конечно, относительно!) время, политическая организация ее осталась где-то на том берегу, берег этот с каж-

дым годом все удалялся, наконец скрылся вовсе, а память о старой Грузии не могла родить и не родила из себя новых политических убеждений и новых исканий.

Так или иначе, присоединение Грузии к России было для первой большим шагом вперед, для второй – крайне ценным приобретением, повлекшим за собой ряд новых успехов. Но то, что теперь кажется таким простым и естественным, что с такой ясностью выражено в этой милой легенде о добровольном присоединении Грузии к единой России, на самом деле складывалось веками мучительных усилий и осуществилось среди многих трудностей, в обстановке тягостной и напряженной.

В предлагаемом этюде речь идет о присоединении одной лишь Восточной Грузии – наиболее важном событии в истории слияния грузинских земель с Россией. Последняя страница этой истории – упразднение автономии княжества Мингрельского – была перевернута на глазах еще живущего поколения.

Глава первая. Несколько исторических замечаний

I

В 1901 году истекает сто лет со времени присоединения Грузии к России, но, строго говоря, не всей Грузии, а той ее части, которая играла более видную политическую роль в XVIII веке, т. е. соединенного царства Карталинского и Кахетинского. Если же иметь в виду все части грузино-абхазской монархии, окончательно раздробившейся в XV веке, части, и после связанные единством культуры и религии, то присоединение Грузии в этом, более широком смысле нельзя будет приурочить к одному какому-нибудь моменту, а придется рассматривать это присоединение как серию исторических событий, как последовательную утрату независимости отдельными грузинскими царствами и владениями в связи с поступательным движением России в Передней Азии; к событиям этим примыкает в дальнейшем отвоевание от Турции тех грузинских земель, которые были отторгнуты в течение предыдущих веков. К первому ряду фактов относится вступление в состав Империи соединенного царства Карталинского и Кахетинского, царства Имеретинского

и княжеств: Гурийского, Мингрельского, Абхазского и Сванетии. Ко второму циклу придется отнести: отвоевание области Ахалцыхской и Адчары. Это – приобретения восточных войн истекшего столетия. Земли, отошедшие таким образом от Турции, составляли прежде часть грузинской монархии, а потом особое вассальное княжество, или так называемое атабекство (Саатабаго), игравшее видную роль в судьбах Грузии, пока оно не превратилось в передовой пост турецкой империи. В настоящее время из старых грузинских земель одна лишь Лазика принадлежит еще Турции.

Впрочем, присоединение частей так называемой Турецкой Грузии к России нас нимало не интересует. Это не более как эпизоды Русско-турецких войн. Что же касается присоединения самостоятельных до того грузинских владений, то здесь наибольшее значение выпадает на долю присоединения царства Карталино-Кахетинского, так как политическое событие это, первое по времени, повлекло за собой, как неизбежное последствие, судьбу остальных частей Грузии. Итак, каковы пути, приведшие царство Грузинское к манифесту 12 сентября 1801 г.?

Историческая перспектива необходима; надо знать общий ход грузинской истории и в особенности политическую обстановку XVIII столетия, иначе нам не понять, почему возможна была такая скорая и решительная развязка в самом начале XIX века.

II

Ограничиваясь рамками нашего тысячелетия, мы можем в нем разобраться, взяв за вехи важные исторические события, совершавшиеся в Передней Азии. Мы видим, что всякий раз, когда является здесь какой-нибудь крупный собиратель земель, когда слагается или усиливается какое-нибудь мощное, хотя бы недолговечное политическое тело, монархия из числа «мировых», – Грузия оказывается или стесненной, или поработщенной. Напротив, когда Передняя Азия представляет картину разложения и политического упадка, Грузия возрождается, расцветает, крепнет, пока стихийный поворот истории снова не пресечет нормального развития страны.

Тот, сравнительно небольшой промежуток, когда (в текущем тысячелетии) Грузия является настоящей державой (конечно, средневекового склада) с силой и значением – лучшая пора эпохи грузино-абхазских монархов, – по времени совпадает с периодом разложения сельджукского государства в Персии (т. е., приблизительно, XII век). Эпохе этой предшествует расцвет сельджукской монархии – и в это-то время Альпаслан совершил вторжение в Грузию; тяжело пришлось ей и при Маликшахе, когда могущество Сельджукидов достигает высшей точки (1072–1092).

После Маликшаха наступило благоприятное для Грузии

время, когда вследствие династических несогласий и распрей атабеков совершалось распадение сельджукской монархии; в Малой Азии образовалось царство Иконийское, воспрянул униженный халиф Багдадский, в целом ряде провинций власть сделалась наследственной и независимой, сложились сильные местные династии в Фарсе, Луристане, по соседству с Грузией – из Ганджи распространилось могущество Пехлеванидов.

Восточный Иран не отставал от Западного в смысле политической путаницы и отсутствия единства.

Только благодаря этим условиям возможны были тот подъем политического могущества и культурное оживление, которые делают XII век золотым веком грузинской истории. Тогда-то, в век Давида Возобновителя и Тамары окончательно сложилась традиция православной монархии Багратидов, традиция, к которой и позже готовы были вернуться, но которой так мало благоприятствовали дальнейшие обстоятельства.

Завоевание Персии монголами началось в 1219 г. Скоро дошла очередь до Грузии: она была разорена, уничтожена. Ясно, что политическая обстановка круто изменилась. В первой половине XIII века великий хан Мангу поручил управление Ираном Гулагу-хану, с которого и начинается династия Гулагидов; они властвовали непосредственно над значительной частью Ирана, сопредельные же владения находились в вассальной от них зависимости.

К концу XIII века монгольские завоеватели сливаются с персами, затем они становятся мусульманами-шиитами и не признают даже и номинальной зависимости от великого хана.

К таким соседям Грузия должна была стать в подневольное отношение, отношение данницы. Но стоило лишь измениться картине, стоило лишь ослабеть монгольским властителям – а при Абусаиде (1316–1326) начинаются распадение и междоусобная борьба мелких владетелей, и мы видим в Грузии успехи Георгия Блестящего. Историк отмечает: «1318. Георгий, сын Димитрия Самоотверженного, становится царем и начинает блистать, как утренняя звезда»¹.

Но звезда если не Георгия, то Грузии скоро померкла во мраке Тамерланова нашествия. Энергия этого нашествия, а также сила сопротивления, оказанного Грузией, превосходят всякое вероятие.

Что экскурсии мировых завоевателей, их вторжения в бассейны «благородных» рек Куры и Риони должны были подрезать крылья Грузии, извратить и разрушить ее политическую карьеру, это очевидно. Так и было на деле. Однако распадение империи Тамерлана дало повод Грузии обнаружить еще раз ее живучесть и выносливость. В последний раз она была «собрана» и наслаждалась сравнительным покоем под скипетром Александра (1413–1442), который, однако, так мало был проникнут идеей государственного единства, что

---

¹ Dates de Wakhoucht. Hist. mod. II. 1. 1, p. 378.

не поколебался распределить земли своей короны между сыновьями своими.

III

Согласно традиции, единая Грузия разделена на части царем Александром. С этого времени «Иверия не существует более»², но отдельные царства и княжества влачат свое, исполненное превратностей, существование. Со временем князь Цицианов увидит Божию волю в том, что царство Грузинское, Александром разделенное, «Александром же I Императором Всероссийским соединено паки воедино»³.

Однако разделение царства царем Александром не может иметь значение какой-то роковой грани между старой, единой Грузией и «рассыпанной храминой» позднейших веков. Нет, если после «раздела» Грузия уже не объединялась, то и до раздела она далеко не всегда была единой⁴. Напротив, составные части Грузии, пережившие ее единство, существо-

---

² Броссе. История Грузии. Пред. к II части (на груз. яз.), пер. С. Гогоберидзе.

³ Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 25 апреля 1804 года. Акты, собранные Кавказск. археограф. комиссией, т. II, № 748.

⁴ Хотя, по словам историка (Hist. mod. I, 206), при Баграте «вся Иверия стала под законы и власть одного монарха», и это длилось до Давида, сына Георгия Лаши, т. е. 264 года, но и в этот якобы сплошной период единства Кахетия, например, имела своих царей. Прочное присоединение ее к остальной Грузии произошло при Давиде Возобновителе. Разделена была Грузия и при монголах. Понятное дело, что мы не имеем в виду времен более отдаленных. Мы желаем сказать, что единство монархии Багратидов было и непродолжительно, и не особенно прочно, как основанное на подверженной всяким случайностям вассальной зависимости частей.

вали задолго до разделения царства и были в условиях того времени гораздо более жизнеспособны и крепки, чем целое, из них слагавшееся. Входя в состав единой Грузии – Мингрелия, Сванетия или Кахетия не переставали быть Мингрией, Сванетией и Кахетией. Не было монарха, признанного всей Грузией, не было единой Грузии как политической величины; Мингрелия же и Кахетия оставались (но, конечно, об неизменности и постоянстве состава отдельных областей также нельзя говорить).

Как всякое общество средневекового склада, старая Грузия и в эпохи единства, эпохи могущества носила в себе центробежные силы, которые неминуемо делали непрочным это единство. Элементы раздвоения Грузии на западную и восточную (по ту и по сую сторону Лихских гор), а также дальнейшего дробления той и другой имелись испокон веков, так как находились в тесной связи с самими, можно сказать, стихийными условиями исторической жизни Грузии. Это классическая страна долин и ущелий, не столь мелких и не столь замкнутых, чтобы делать невозможной всякую гражданственность, но, во всяком случае, являющихся местом старинной оседлости, издавней солидарности. Эти территориальные единицы – основание, почва для создания *из них* и *над ними* высшего целого, государства. Спрашивается, окажутся ли узы этой новой организации настолько сильными, чтобы преодолеть внутреннюю солидарность отдельных единиц? Мы знаем, что в условиях средневековой жиз-

ни церковь может способствовать объединению. Так было и в Грузии. Но церковь, монастыри, письменность – все это совмещается с каким угодно положением вещей: единством, раздроблением, завоеванием.

Объединение в той форме, в какой оно имело место в Грузии, было делом политики династической, опиравшейся на интересы национальные и религиозные, которые должны были чувствоваться особенно остро благодаря постоянным столкновениям с народами иной расы, иной веры.

Но, когда так или иначе достигается единство, когда образуется одно целое из отдельных земель, значит ли это, что над единой отныне территорией возвышается власть единого государства? Или правильнее: признаваемую в теории власть удастся ли осуществлять с достаточной полнотой на практике?

Это именно тот шаг, который надо сделать, чтобы достигнутая таким образом государственность могла стать залогом дальнейшего политического развития.

Типичные монархии средневекового склада не делают этого шага. Они остаются совокупностью (комплексом) отдельных земель под одним скипетром, а в своих объединительных стремлениях легко пасуют перед стихийностью центробежных сил, из которых главной является возможность для отдельных ячеек общества, будь то самостоятельная община или поместье, обходиться собственными силами. Власть, войско, финансы – все это тяготеет к земле, к

отдельным более или менее мелким центрам, где сосредоточены средства пропитания при слабом еще обмене.

Центробежные силы этого рода в Грузии были особенно сильны благодаря характеру местности. При других условиях, при большей безопасности извне и усложнении общественной жизни, может быть, монархи грузинские и сумели бы объединить как следует Грузию и сыграть для нее роль Капетингов и великих князей Московских. Но величайший монарх Грузии, настоящий строитель государства Давид II⁵, не нашел преемника, который пошел бы дальше него; знаменитая Тамара была, в сущности, лишь добрым гением своих могущественных вассалов. Она завершает созданное предшественниками.

И позже царям удавалось собрать вновь грузинские земли воедино, но устроить государство они не могли, потому что для преодоления препятствий тому нужны были особенно благоприятные внешние условия и точка опоры в каких-нибудь слоях народа, а этого-то и не доставало Грузии: извне – полная необеспеченность, а внутри – замки и монастыри, подданные, умеющие драться, и подданные, умеющие молиться. Были и города, но с грузинскими городами не далеко бы ушли объединители. Общественные противоречия не были так резки, чтобы дать почву для усиления монархии.

Правда, может показаться на первый взгляд, что постоянная война за народность и веру должна была помочь Багра-

---

⁵ Давид II Возобновитель (1089–1126).

тидам в создании грузинского единства и монархии. Вообще говоря, война часто являлась тем горнилом, в котором государства находили прочный закал. Лавровый венок победителя часто превращался в царственный венец, а к золоту короны прекрасно идет зелень победного лавра. Но могли ли грузинские монархи победить Чингисхана, Тамерлана и других сильных владык Востока?

Не могли, и вот, присматриваясь к условиям борьбы (мы имеем в виду преимущественно нашествия) грузин с их врагами, мы найдем там лишний, притом веский шанс в пользу центробежных влияний. Оборона в замках, недоступных местах, монастырях, партизанские нападения – все это вело к тому, что люди еще больше прятались в свои крепкие жилища. Очень часто защищались, как кто мог. Грузины всегда любили родные поля. Оборона страны и своего собственного клочка земли – для них это было одно и то же.

Условия защиты и вообще военная организация Грузии не благоприятствовали власти царей.

Словом, средства объединения были особенно бедны, а центробежные силы – особенно постоянны и действительны.

Из всего сказанного следует, что когда по смерти царя Александра Грузия оказалась разделенной, то это вовсе не находится в каком-либо потрясающем несоответствии с прошлым страны.

В XV веке мы видим в Грузии совокупность издавна сложившихся областей с местными, частью также издавна сло-

жившимися династиями. Независимость или полунезависимость княжеств не помешает Багратидам считать эти княжества своим наследием; здесь источник вековых неурядиц и междоусобий, где каждый по-своему прав и где все в порядке вещей, даже самый беспорядок.

Но борьба царей с владетелями – это еще борьба с политическим значением, конечно, междоусобицы не ограничивались этим.

Владетели, не связанные между собой какими-либо отношениями, кроме частных, разрешали оружием вопросы и недоразумения, которые между ними возникали. Начало авторитета почти утрачивается, все основано на начале верности подданных владетелю, владетелей между собой.

Такое положение вещей возрастало прогрессивно: в XV веке дела обстояли лучше, чем в XVII.

IV

Для нас важно иметь в виду общую картину Грузии во 2-й половине XV века, потому что *эта* Грузия стала лицом к лицу с двумя фактами, имевшими фатальный исход для нее.

Во-первых, падение Константинополя.

В 1463 году загородили навсегда дорогу, ведущую из Грузии в единовенную Византию, а через нее – ко всей христианской Европе.

Грузия осталась одна в Азии, перед врагом, неизмеримо сильнейшим, беспощадным, фанатическим.

Затем в эту эпоху сложились две могущественные величины по соседству с Грузией – Персия и Турция, обе одинаково враждебные последнему оплоту христианства в Азии и в то же время враждебные между собой. Это основное условие, определившее политическую жизнь Грузии в XV–XIX веках.

Отныне разделение Грузии на Восточную и Западную, коренящееся в чисто туземных условиях, искусственно обостряется и становится в связь с соперничеством двух великих восточных монархий. Оставляя в стороне подробности, скажем, что Западная Грузия (Имеретия, Мингрелия, Гурия) входит в сферу влияния Оттоманской империи, Восточная (Карталиния и Кахетия) – в сферу влияния Персии⁶. Что

---

⁶ Искендор Мунджи, персидский историк, сообщает, что, когда в 1553 году был

же касается княжества или атабекства Самцхийского, то эта чрезвычайно важная, культурная часть Грузии, авангард ее на юг и запад, вынесла в XVI столетии самые тяжкие удары персиян и турок и постепенно была вовсе отторгнута от Грузии и перешла в ислам, долго однако не утрачивая национального облика. Потомки грузинских атабеков облакались званием пашей ахалцыхских и, пользуясь большой свободой, играли роль в делах грузинских земель до самого конца дней Грузии.

Этот огромный и ничем не вознаградимый проигрыш ее мусульманскому Востоку тесно связан с упрочением влияния Турции и Персии по обе стороны Лихских гор. Надо иметь в виду следующее: что в войнах Турции и Персии (а каждая из них действовала сообразно «историческим» задачам и никогда не спускала глаз с противника) Грузия не могла оставаться безучастной зрительницей хотя бы потому, что воюющие стороны из грузинской территории делали часто побочный театр военных действий. Брать сторону турок – это значило стать врагами персиян и наоборот.

Приходилось хитрить, пользоваться обстоятельствами. Но Персия и Турция умели извлекать выгоду из положения

заключен мир между шахом (Тахмаспом) и султаном Сулейманом и установлены границы, шах и султан разделили между собой покровительство над Грузией: именно – Месхетия, Карталиния и Кахетия отданы были под протекторат Персии; Имеретия, Мингрелия и Гурия до Трапезунда отошли под верховную власть турок (Хроника Иск. Мунджи в приложениях к *Histoire mod. d. l. G., t. I, l. 1, p. 450*). Но, конечно, здесь лишь подтверждено нечто, сложившееся раньше.

Грузии. Подкуп, поддержка желательных претендентов, поощрение раздоров – все пускалось в ход. Конечно, и Персия, и Турция были заинтересованы в том, чтоб у них был обеспечен фланг, и их усилия имели тем больший смысл, что в боевом отношении грузины были и в плохие времена силой, с которой считались. Ее надо было сломить или купить. К тому же бранная жизнь легко прививала грузинским владельцам инстинкты кондотьеров, с которыми нетрудно было вступать в сделки.

V

Заметим также, что с окончательным раздроблением Грузии оставалась еще возможность отдельным ее частям разрешить удачно вопрос государственной консолидации, правда, в меньшем масштабе, но все же с влиянием на судьбы всех грузинских земель. Нельзя отрицать того, что цари грузинские делали иногда решительный шаг к упрочению власти. Так, например, царь Кахетинский Георгий I (в конце XV в.) уничтожил наследственных правителей областей (эриставов) и поставил на их место своих чиновников-моуравов. Точно также он приурочил военные округа (хоругви) к епархиям, чтобы начальствование над каждой из 4 хоругвей не стало наследственным. Такая осмысленная деятельность могла, конечно, дать самые лучшие результаты. Но, повторяем, обстоятельства слишком благоприятствовали центробежным стремлениям – в отдельных царствах так же, как и в целой Грузии.

Сильный феодал в борьбе со своим царем всегда мог найти поддержку извне. Его всегда приласкают в Испагане; его поддержит кто-либо из соседних ханов или паша; к услугам его – полудикие кланы Дагестана, призвание которых заключалось в набегах; оставив другим мирные формы производств – земледелие, ремесла, – они занимались в качестве постоянных промыслов набегами, добычей рабов, служ-

бой за деньги. Приглашение грабить и жечь они принимали с восторгом – и были по-своему правы, так как жить они могли, только промышляя хищничеством⁷. Мало-помалу (в XVII–XVIII вв.) появление лезгинских партий сделалось делом обыкновенными, это был истинный бич для Карталинии и Кахетии, которые в своих действиях на юге никогда не имели обеспеченного тыла⁸.

Нет необходимости настаивать на том, что внешние условия крайне обостряли и без того сильно выраженную феодальную разрозненность. Это слишком очевидно.

Лучшие грузинские цари, цари-крестоносцы, были всегда поглощены элементарной борьбой за существование. Об организационной работе не могло быть и речи. А цари-мусульмане, из которых некоторые, как, напр., Ростом, правили достаточно долго и достаточно спокойно, не вносили каких-либо благоприятных изменений, вреда же принесли очень много – в смысле ущерба христианству и народности.

Как бы то ни было, и в XVIII столетии лучшим монархам этой эпохи, Ираклию II и Соломону I Имеретинскому, приходится вести напряженную борьбу с вассалами. И если заговорщики, действовавшие против Ираклия, могут сойти

---

⁷ Понятное дело, это относится не ко всему Дагестану, представляющему, как известно, много пестроты.

⁸ Как опасно было приглашение на службу лезгин и, вообще, какие последствия влекла за собой вечная война между феодалами, об этом писали и иностранцы. Ср., напр., *Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne* (1797), p. 62.

за крамольников, то этого нельзя сказать, напр., о Ростоме, эриставе Рачинском, могущественном феодале, доведшем в своем упорстве Соломона до изнеможения.

При таких условиях, могла ли какая-нибудь часть Грузии стать оплотом политического обновления страны? Конечно, не могла, и это тем более, что ни одна из этих частей не была достаточно сильна, чтобы повелевать другой. Карталиния, Кахетия уравнивались Имеретией, Мингрелией, Гурией. В восточной половине Грузии силы Кахетии и Карталинии были приблизительно равны⁹, в западной – Имеретия не сильнее и не слабее Мингрелии, вдобавок под боком у них Абхазия и Гурия, которые едва ли кого завоюют, но и себя завоевать не дадут. Прибавьте в этому еще разграничение сфер влияния между Турцией и Персией в Грузии – совпадающее с делением ее на Западную и Восточную, – примите во внимание, что всякий «поиск» Карталинии и Кахетии на запад от Лихских гор (и наоборот) мог вести к осложнениям между Персией и Турцией¹⁰, и станет ясно, почему идея

---

⁹ Разделение Восточной Грузии на два царства и всяческое поощрение розни между ними были со времен шаха Аббаса I одним из догматов персидской политики. Сближение, напр., Луарсаба Карталинского и Теймураза Кахетинского в начале XVII в. показалось Аббасу посягательством на интересы Персии.

¹⁰ Когда Вахтанг V, царь Карталинский (XVII в.), имея партизан в Имеретии и Гурии, перешел через Лихские горы, взял Кутаис, вступил в Мингрелию и посадил на имеретинский престол сына своего Арчила и дадианом (т. е. владельцем Мингрелии) сделал угодного себе Левана, ахалцихский паша основательно увидел в этом вторжение в сферу турецкого влияния со стороны вассала Персии и сделал представление султану. В конце концов по желанию шаха Вахтанг отозвал

национального единства до второй половины XVIII века не могла стать мотивом практической политики.

Но надо отдать справедливость анархическому состоянию грузинского общества в течение ряда веков: благодаря ему, благодаря этим полунезависимым ячейкам, этим замкам в ущельях, этим убежищам в недоступных местах народность и религия не могли быть уничтожены самыми последовательными, упорными из угнетателей Грузии.

Недостаточно выиграть большие сражения; недостаточно взять главные города и крепости, занять их своими гарнизонами; недостаточно поставить на престоле верного человека – еще вопрос, будут ли его признавать. Когда шах Тахмасп отдал Карталинию вероотступнику Давиду (Даудхану), то последнему пришлось терпеть неоднократные поражения от законного царя, рыцарственного Симона; наконец, последний был взят в плен персиянами, Даудхан утвердился в Тифлисе, но многие князья его вовсе не признавали.

Не раз духовные и светские вельможи, сильные своим значением на местах, сберегали часть того, что проигрывалось царями.

Так, общественный строй, ставивший помехи лучшим начинаниям царей-патриотов, одновременно препятствовал разрушительной деятельности завоевателей и царей-тиранов.

своего сына из Имеретии (которая, однако, еще три раза видела Арчила своим царем!).

При почти беспримерных условиях, в которых пришлось жить христианской Грузии, самые несовершенства общественного строя, тормозившие исполнение любой более широкой политической мысли, послужили стране в пользу.

Но в XVIII веке об эти несовершенства разбивались замыслы Вахтанга VI и Ираклия II – замыслы, оказавшиеся мечтами.

Глава вторая. Отношения Восточной Грузии и Персии при Сефевидах

I

В эпоху присоединения Грузии к России, Персия считала себя истинной владычицей Грузии, точнее, Карталинии и Бахетии. Правда, в ст. III Гюлистанского трактата (1813 г.)¹¹ она торжественно отрекается и от Мингрелии, Имеретии, но это ничего не значащая фраза, так как еще по Кучук-Кайнарджийскому трактату страны эти считаются в зависимости от Порты¹².

На чем же основаны были притязания Персии? Обладала ли она Грузией, когда установилась эта зависимость и в чем проявлялась? Прежде чем войти в оценку исканий шахов каджарской династии (что сделано будет в своем месте), необ-

---

¹¹ П.С. 3. № 25,466. «Его Шахское Величество... сим торжественно признает как за Себя, так и за Высоких преемников Персидского Престола, принадлежащими в собственность Российской Империи ханствы... Притом Грузию с Шурагельской провинцией, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию и т. д.».

¹² Ст. 23 Кучук-Кайнардж. трактата (1774 г.): «Как помянутые народы находятся подданными блистательной Порты etc». П. С. 3. № 14, 164.

ходимо в общих чертах обозреть отношения Грузии и Персии в предшествующие времена. Отношения эти так многосложны, имеют такую длинную историю, что даже не очень подробное их рассмотрение разрослось бы в целое исследование. Обходя молчанием все время до конца XV века, обратимся к этой эпохе – эпохе, непосредственно предшествующей началу династии Сефевидов. Именно при государях этой знаменитой династии Грузия вступает в более тесную связь с Персией.

Несчастья Грузии, т. е. «персидский» цикл несчастий, начинается с Узун-Гасана, противника победоносного султана Магомета II. До Узун-Гасана, по словам Вахуштии, внешние дела Грузии обстояли благополучно. Шахи еще не властвовали над всей Персией, турки были заняты войной с европейцами.

Вторжение Узун-Гасана в Грузию произошло в 1478 г. Удачно боролся с ним Константин III. Дело кончилось почетным миром и оставлением гарнизона в цитадели Тифлиса. С легкой руки Узун-Гасана преемники его посылают неоднократно войско для вторжения в Грузию (все в конце XV в.). Пока грузинам удавалось отражать своих врагов и разрушать крепости, которые они строили. Но затем начинают падать на них удары Сефевидов.

В начале XVI века шах Измаил – уже господин земель от Персидского залива до Каспийского моря. Войны с Турцией делают для Сефевидов обладание Грузией или ее верность

прямой необходимостью. Тучи стали все более сгущаться над этой страной.

История отношений шаха Измаила к Грузии (первая четверть XVI в.) уже включает в себе главные моменты грузино-персидской распри и связи. С одной стороны, требование покорности¹³, обещание милостей, занятие крепостей гарнизонами и сооружение укреплений в стратегических пунктах; с другой – лавирование между турками и персиянами, готовность ежеминутно вернуть утраченное.

Преемник Измаила шах Тахмасп (1524–1586) совершил в течение долгого своего правления целый ряд походов в Грузию.

Отныне политическая связь Грузии и Персии постепенно крепнет. Скоро наступит время царей-мусульман.

Так постепенно подготавливается эпоха, где нет иного выбора, как между неподчинением и борьбой с одной стороны, подчинением, переходящим в угодничество, и сравнительным покоем – с другой. Но первая позиция безнадежна, вторая – шатка, потому что Персия капризна, а Грузия бурли-

---

¹³ Впрочем, в письме, написанном во 2-й половине XV в., как предполагают, Константином III Изабелле Кастильской, мы уже встречаем формулировку, с которой грузинам суждено было обращаться к разным правительствам в течение трех столетий – всегда безуспешно. «Тебе известно, – пишет царь, – что нечестивые персияне мучат нас жестоко. Они сделали нам много зла и требуют от нас трех вещей: платите – нам, говорят они, огромную дань, сражайтесь всегда в наших рядах, наконец, примите вашу веру. Они многочисленны, а мы, после падения Константинополя и Трапезунда, остались здесь одни»... Это послание едва ли нуждается в комментариях.

ва. Оба типа отношений процветали в Грузии, в различных степенях и с различными вариациями. Устойчивости же не могло быть, потому что все, от начала до конца, было дисгармонично.

При всей пестроте эпохи ясно, что Персия домогается всячески овладеть страной, народ же, обреченный на заклание, так или иначе обороняется.

Чем же решилось это дело для Грузии и Персии?

Последней так и не удалось обеспечить себя со стороны Прикавказья. Грузия погибла, но погибла в интересах христианской цивилизации, а не для успехов мусульманского Востока.

Для Персии же конец Грузии был началом политического унижения и полного измелчания.

А что гнет со стороны Ирана мог сокрушить жизнеспособность страны, это не диво. Одного XVI века было бы достаточно, чтобы разбить историческое призвание народа, а ведь Грузия вступила в это столетие, пережив далеко не одно разорение и нашествие – арабов, сельджуков, Чингисхана, Тамерлана и многих других, – а впереди ее ожидали еще эпоха шаха Аббаса I, затем турецкое завоевание 2-й четверти XVIII века, Надир-шах и, наконец, несчастья самого конца XVIII века. Прибавьте к этому такие хронические недуги, как постоянное воровство лезгин, работорговлю, междоусобию.

Какое огромное количество крови пролито в этой борьбе

за существование! Рядом с ручьями крови крестоносцев течет кровь крамольников, изменников родины и кровь, пролитая в междоусобиях. Но как мало удалось сберечь ценою этих жертв!

Железом и кровью не удалось тогда разрешить вопросы Прикавказья, хотя не скупилась ни на то, ни на другое.

Иран мог бы обезопасить себя со стороны Грузии, только уничтожив поголовно ее население. Но это нелегко было даже Ирану. Персия применяла к Греции все методы воздействия, начиная с дипломатических ласк и кончая беспримерными кровопусканиями и насильственными выселениями. Но, помимо того, что и Персии это обходилось весьма не дешево, цель никогда не была достигнута, Грузия никогда не была поглощена Персией, потому что оставшиеся в живых при первой возможности отлагались, мстили, сбрасывали иго.

Здесь не место излагать ход этой борьбы, ее результаты для Персии и Грузии. Это значило бы излагать историю Восточной Грузии за два с половиной века (т. е. до половины XVIII в.).

История эта богата истинно трагическими моментами, но нить борьбы религиозной и национальной не есть единственная или даже главнейшая нить этой истории.

Крестоносная Грузия¹⁴, Грузия храбрых царей, доблест-

---

¹⁴ Увлечение ее тенью проглядывает не только у грузин, но и в писаниях некоторых русских и иностранных авторов. Преувеличивать христолюбие грузин

ных иерархов, монахов ученых и благочестивых рыцарей, не имевших себе равных на поле брани, Грузия земледельцев, защищавших родные долины до последнего издыхания, – это не вся Грузия, это лишь одна (хотя и лучшая) из стихий ее исторической жизни.

Есть и другая Грузия, не менее, если не более действительная, чем та, первая: Грузия царей-вероотступников, льстецов шаха, пастырей-волков, князей-работорговцев, военной челяди с инстинктами грабителей. Эти две Грузии живут бок о бок, никогда одна не растворяется в другой, но часто одна из них выступает на первый план, а другая остается в тени.

также односторонне, как преувеличивать их пороки; между тем до сих пор можно встретить как чрезмерное восхваление грузинских «доблестей», так и наивное цитирование Шардена и других, менее известных путешественников в доказательство безнравственности и испорченности грузин в старину.

II

Трудно выразить с отчетливостью, в чем заключалась политическая связь Персии и Грузии, потому что эти отношения представляются чем-то весьма зыбким; зыбка была Персия, зыбка и Грузия. Упрочению связи (т. е. окончательно-му поглощению) мешали религия и политическая живучесть нации. В зависимости от степени могущества Персии в данный момент и от силы сопротивления, какое могли оказать грузинские владетели, находилась и форма, в которую отольется отношение Грузии (Карталинии и Кахетии) к Ирану. Поэтому заранее можно предвидеть пестроту в этих отношениях. Очень важно еще и следующее обстоятельство: Карталиния и Кахетия вовсе не одинаково вели себя по отношению к Персии. Сплошь и рядом одно царство борется, а другое признает свою вассальную зависимость. Ведь соперничество Багратидов кахетинских и карталинских, вопросы престолонаследия в каждом из царств, тяготение к России — все это принималось в расчет умнейшими из властелинов Ирана. Само собой разумеется, что эгоистические расчеты владетелей играли также важную роль. Да и странно было бы ожидать или требовать от царей и народов постоянной борьбы без надежды на победу.

Приведем некоторые примеры. Пока Карталиния во главе с царем Константином III ведет удачно борьбу с войска-

ми Узун-Гасана, Георгий I, царь Кахетии, при первом вступлении войск шаха в пределы царства посылает ему богатые дары в знак покорности и отвращает таким образом направленное уже против него оружие. Он отказал поэтому в помощи Константину. Понятное дело, такая политика должна была укрепить его власть в Кахетии.

Вообще благодаря оппортунизму и признанию верховенства шаха Кахетия некоторое время не знала персидских вторжений.

Александр I Кахетинский при усилении шаха Измаила отправил к нему в Ширван сына своего со знаками покорности, тогда как Карталиния боролась с этим шахом.

Леван II (царь Кахетинский) поддерживал карталинского Давида в борьбе с персиянами, но, когда шах Тахмасп разрушил Тифлис, Леван явился к нему в Карабаг; его отпустили с почетом. Это не помешало Левану в союзе с упорным врагом персиян Луарсабом I Карталинским позже воевать в Азербайджане. Однако Леван перешел потом опять на сторону Тахмаспа.

Вот почему, когда Тахмасп совершил новую экспедицию в Самцхе и завоевал Карталинию, покой Кахетии не был нарушен. Во время борьбы Симона с персиянами Леван ухитрился одновременно подарками задабривать шаха, свидетельствуя о своей верности – и посылать помощь Симону.

Вообще Кахетия умела ладить с Персией все XVI столе-

тие¹⁵. В это самое время Карталиния и ее цари – Константин, Давид, Луарсаб – являются настоящим оплотом веры и независимости.

Какая из этих двух политик была разумнее, сказать трудно. Цари-оппортунисты не раз избавляли страну от нашествий, но ничего не сделали для национального самолюбия и для Христа; цари-крестоносцы не раз накликали беду на свое несчастное отечество, но их любили и память их почитали.

Позже роли меняются. Силы Карталинии были сломлены, и она все более поддавалась персидским влияниям. Уже одновременно с Симоном сидит в Тифлисе ставленник персиян Даудхан. Сын же его, Ростом, в котором мусульманин и персидский вельможа уживались с грузином, открыл самую широкую дорогу и без того всегда сильному в стране персидскому влиянию. А его соперник Теймураз I, сын замученной Аббасом Кетеваны и царь Кахетии, до того цветущей, но тем же Аббасом превращенной в груду развалин, верный традициям православного царства, борется всю жизнь с преобладающими обстоятельствами и обнаруживает поистине великую силу духа.

---

¹⁵ По словам Вахуштии, Кахетия была в это время так густо населена, что там трудно было найти диких животных. Александр, царь Кахетинский (в конце XVI в.), страстный охотник, выражал шутивное желание, чтобы Кахетия подверглась разорению при его жизни, так как у него будет тогда в изобилии дичь. Желание это исполнилось при Теймуразе (когда Кахетия опустела), но, прибавляет история, этому некогда было охотиться.

III

Органическое единение Грузии с Персией не могло иметь место хотя бы потому, что сама Персия не была органически целостным государством в европейском смысле, а, скорее, сложным политическим телом, образованным из единиц не административного, а государственного характера (т. е. *Staatensstaat* немецких публицистов), как бы этот государственный характер составных единиц ни был слабо выражен. Конечно, огромное значение при таком строе играет фактическое соотношение сил шаха и вассалов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.